

Наукам о духе не легко удастся добиться у широкой общественности верного понимания рода их работы. Трудно сделать наглядным то, что является истиной в этих науках и что выступает результатом их деятельности. Конечно, это было бы легче сделать в тех областях наук о духе, чьи предметы более ясны и очевидны. Если бы сегодня специалист в области международной экономики, пытаясь заручиться общественной поддержкой, должен был говорить о значении своей работы, то всеобщее понимание было бы ему гарантировано. То же самое происходило бы, если бы какой-нибудь искусствовед представлял нам нечто прекрасное, пускай даже и очень древнее, найденное где-нибудь при раскопках. Ведь очень древнее пробуждает удивительный род всеобщего интереса. Философу, напротив, пристало выполнять другую задачу: вместо наглядных или общеубедительных результатов он должен выразить в языке то, что беспокоит мысль и вызывает глубокие раздумья, что встречается мыслящему в процессе той работы, которую ведут науки о духе.

I

Современное понятие науки сформировалось под влиянием развития естествознания XVII столетия. Именно ему обязаны мы нарастающим господством над природой, и теперь от наук о человеке и обществе ожидается, что и они также достигнут подобного господства над историческим миром человека. Надо сказать, что от наук о духе ожидают даже еще большего с тех пор, как обнаружилось, что нарастающее господство над природой, которым мы обязаны естественным наукам, скорее усиливает недомогание (Unbehagen) культуры, нежели уменьшает его. Естественнаучные методы отнюдь не постигают всего, что достойно изучения, и никогда не постигают того, что достойно изучения по преимуществу, а именно: последних целей, на службу которым должно быть поставлено любое господство над средствами природы и человеком. От наук о духе и от философии, которая к ним принадлежит, ожидают как раз знаний другого рода и другого ранга. И в таком случае — вместо того чтобы вести речь о всеобщем, которое обеспечивается во всех науках употреблением научных методов, — они должны, скорее, говорить о чем-то таком, что является единственным в своем роде и что делает науки о духе такими значимыми и волнующими для нас.

1. Что же является собственно научным в науках о духе? Возможно ли вообще безо всяких оговорок применить к ним понятие исследования? Ведь то, что подразумевается под исследованием — выслеживание нового, еще не познанного, прокладывание надежных и, прежде всего, подлежащих последующему контролю путей к новым истинам, — все это, кажется, выступает здесь только во вторую очередь. Плодотворность познания, свойственного наукам о духе, кажется более родственной интуиции художника, нежели методическому духу исследования. Конечно, мы можем сказать то же самое о любой гениальной работе в

каждой области исследований. Однако же в ходе методической работы, свойственной исследованию природы, постоянно происходит приращение нового видения и понимания, и в этом отношении наука заключена в самом применении методов.

Конечно же, работа наук о духе тоже сопряжена с применением методов. Она в любом случае отличается от научно-популярной belletrистики благодаря известной последующей проверяемости, однако все это касается в большей степени материалов, чем извлекаемых из них выводов. Здесь не идет речь о том, чтобы наука посредством ее методики была способна гарантировать истину. Здесь даже в ненаучном труде дилетанта может быть иногда больше истины, чем в методически выверенной оценке материала. В самом деле, можно показать, что хотя за последние сто лет науки о духе и ориентировались в своем развитии на науки о природе как некий образец, однако же сильнейшие и существеннейшие импульсы этого развития исходили не из величественного пафоса опытных наук, но из духа романтизма и немецкого идеализма. Именно в них было живо знание о границах просвещения и научных методов.

2. Однако находит ли благодаря этим наукам свое удовлетворение потребность человеческого сердца в истине (вследствие чего они и были бы столь значимы для нас)? Действительно ли благодаря наукам о духе эта потребность удовлетворяется? Проникая благодаря исследованию и пониманию в далекие измерения истории, науки о духе хотя и расширяют духовный горизонт человечества, дополняя его целостно прошлое, однако свойственное современности стремление к истине таким образом не только не удовлетворяется, но принимает опасный оборот для самого себя. Историческое чувство, которое науки о духе развивая в себе, вырабатывает привычку к изменению масштаба, которая порождает неуверенность при исследовании своих собственных мерок. Уже Ницше в своем втором *Несвоевременном размышлении* знал не только о пользе, но и о вреде (Nachteil) истории для жизни. Историзм, который повсюду видит историческую обусловленность, разрушил прагматический смысл исторической ситуации. Его утонченное искусство понимания ослабляет тягу к безусловной оценке, в которой заключается нравственная реальность жизни. Его теоретико-познавательным заострением является релятивизм, его следствием — нигилизм.

Понимание обусловленности любого познания историческими и общественными силами, выступающими в качестве движущих сил современности, означает, однако, не только теоретическое ослабление нашей веры в познание, но также и фактическую безащитность нашего познания по отношению к стремлениям определенных сил эпохи. Эти тенденции ставят науки о духе себе на службу, в результате чего науки о духе оцениваются сообразно тому, что они могут представлять собой как сила — в историческом, политическом, религиозном или просто научном смысле. Таким образом, науки о духе усиливают то давление, которое власть оказывает на дух. Они несравнимо сильнее предрасположены к любому виду террора, нежели науки о природе, потому что у них нет измерительных средств, которые с такой же завидной гарантией, как и там, отличали бы подлинное и правильное от намеренно сокрытого и мнимого. В результате этого оказывается в опасности та последняя нравственная общность, которая связывает науки о духе с этосом любого исследования.

Всякий, кто в состоянии разглядеть тревоги и опасения, касающиеся истины в науках о духе, во всей их опасности, будет в первую очередь — наряду с учеными в области естествознания и дилетантами, которых оно также вовлекает в свой круг, — апеллировать к тому внушающему доверие свидетельству, которое оставил нам великий физик Германн Гельмгольц, однажды, около ста лет назад, высказавшийся по поводу различия между науками о природе и науками о духе. Справедливость и дальновидная обдуманность, с которыми он учел при этом особенность наук о духе, еще и сегодня заслуживают внимания. Хотя и он также мерил и описывал способ работы наук о духе, сообразуясь с методами наук о природе, — в связи с чем, конечно, то полное предувствий “короткое замыкание”, с которыми сопряжен сам выход на результаты в науках о духе, не могло удовлетворить потребность в логике этого ученого-физика, — однако он видел, что это такой способ, в рамках которого наукам о духе действительно удается прийти к истине, и что он, следовательно, нуждается также и в человеческих условиях другого рода, с тем чтобы подобные короткие замыкания происходили. Все, что относится к этому в памяти, фантазии, чувства такта, музыкальной чувствительности и в опыте мира, — все это, конечно же, другого рода, нежели аппаратура, в которой нуждается естествоиспытатель. Однако это не просто некий инструментарий, особенность которого лишь в том, что он не может быть сотворен, но это такой “инструментарий”, который испытывает постоянный прирост вследствие того, что кто-то устанавливает свое место в великой традиции человеческой истории. И поэтому здесь имеет силу не только старый паролль Просвещения: имей мужество поставить себя на службу своему разуму, — здесь имеет силу как раз и противоположное: авторитет.

Нужно только правильно понимать то, что здесь имеется в виду. Авторитет — это не превосходство некоторой силы, которая требует слепого послушания и кладет запрет на собственное мышление. Истинное существо авторитета покоится, скорее, на предположении о том, что существует понимание, превосходящее наше собственное суждение, причём такое предположение не должно представляться чем-то неразумным, но может быть требованием самого разума (в другом — высокомерного). Послушание авторитету означает понимание того, что другой — а значит и другой голос, звучащий из традиции, из прошлого, — может видеть нечто лучше, чем ты сам. Каждый, кто в качестве начинающего искал путь в науки о духе, знает это из собственного опыта. Я сам вспоминаю, как будучи новичком, дискутировала с одним опытным ученым по поводу какого-то научного вопроса, в котором я, по моему глубокому убеждению, хорошо разобралась. И тогда неожиданно для меня он разъяснил мне какую-то вещь, о которой я не знал и потому спросил его огорченно: откуда Вы это знаете? Его ответом было: когда Вы будете таким же старым, как я, Вы тоже будете это знать.

Это был правильный ответ. Однако кто, будучи учителем или же учащимся в области естественных наук, посчитал бы это за ответ? Мы чаще всего не можем сказать, почему то или иное филологическое или историческое предположение начинающего “невозможно”. Это вопрос особого чувства, можно сказать — чувства такта, который может быть приобретен посредством неустанного обхождения с вещами, но не может быть заучен и нарочито продемонстрирован. И тем не менее это известно почти

без исключений, что в подобных педагогических ситуациях опытный учитель прав, а начинающий не прав. Конечно же, с этими особыми условиями истины связано также и то обстоятельство, что мы и по отношению к проводимым исследованиям не имеем никаких абсолютно надежных мерок, с помощью которых можно было бы отделить подлинную работу от пустой претензии, что мы часто в самих себе сомневаемся, действительно ли то, что мы говорим, еще содержит истину, которую мы имеем в виду.

II

Прислушиваться к традиции и оставаться в ней — в этом, очевидно, и заключен путь истины, который должен быть обретен в науках о духе. Критика традиции, к которой мы как историки приходим, также служит в итоге этой цели — прижнуть к подлинной традиции, в которой мы находимся. Таким образом, обусловленность означает не принижение исторического познания, но момент самой истины. Обусловленность даже должна мыслиться как необходимый составной момент истины, если человек не хочет оказаться случайным заложником самой этой обусловленности. Здесь должно считаться как раз “научным” — разрушить фантом истины, оторванной от места нахождения познающего. Именно это является знаком нашей конечности, непрестанно помнить о которой — единственное средство, способное сохранить нас от иллюзий и самообмана. Таким обманом была в свое время наивная вера в объективность исторического метода. Однако то, что вступает на его место, — это не слабый (matter) релятивизм. То, что суть мы сами, и то, что мы в состоянии воспринимать из прошлого, происходит не как попола и не произвольно.

В конце концов, то, что мы исторически познаем, тем мы сами и являемся. Познание в науках о духе всегда имеет в себе нечто от самопознания. Нигде обман не является таким легким и не подступает так близко, как в самопознании, но и нигде нет ничего столь же значимого для бытия человека, как там, где самопознание удается. Таким образом, в науках о духе речь идет не только о том, чтобы, вслушиваясь в историческую традицию, расслышать самих себя, в той мере, в какой мы себя уже знаем, но также и о том, чтобы расслышать нечто другое: дело заключается в том, чтобы испытать толчок со стороны исторической традиции, который выводил бы нас за собственные границы. Поэтому нашего подлинного содействия заслуживает здесь не такое исследование, которое, не задевая нас, просто удовлетворяет наши ожидания, но, напротив, нужно попытаться узнать, где возникает новое задевающее нас толчки.

Обдумывание этих двух размышлений несет в себе также непосредственные практические следствия для нашей работы. Тот, кто желает продвигать вперед науки о духе, только в редких случаях сможет оказывать какую-то помощь предмету. Здесь можно помочь только человеку, причем со всей той негарантированностью, которая предполагается в науках о духе, коль скоро мера их действия и оказываемой ими помощи является столь мало контролируемой. И то обстоятельство, что не задевающее нас исследование не заслуживает подлинного содействия с нашей стороны, ставит нас перед едва ли разрешимой задачей, с которой не сможет справиться ни одна, даже весьма воляная, форма управления — познать то новое и плодотворное, что мы сами не видим, поскольку перед нашими глазами находятся наши собственные пути.

III

Но уже из наших собственных размышлений вытекает, почему науки о духе находятся в эпоху массового сознания в таком особенно затруднительном положении. В навязковом организованном обществе каждая группа интересов разворачивается по мере ее экономической и социальной власти. И научное исследование она оценивает также согласно тому, в какой мере его результаты будут полезны или вредны ее собственной власти. В этом отношении любое исследование должно опасаться за свою свободу, и любой естествоиспытатель знает, что его открытия с трудом могут добиться признания, если они невыгодны господствующим интересам. Давление интересов со стороны экономики и общества оказывается тяжким бременем для науки.

Однако в науках о духе это давление настаивает, так сказать, изнутри. Для них самих возникает опасность полагать за истинное то, что соответствует интересам указанных сил. Поскольку осуществляемой в науках о духе работе присущ момент неуверенности, особый вес для них имеет одобрение других. Это бауат, как и везде, профессионалы, в той мере, в какой они являются “авторитетами”. Но поскольку наукам о духе в их работе гарантировано особое всеобщее участие, то очень часто в интенции исследователя неосознанно подразумеваются также и моменты, касающиеся согласованности собственного исследования с суждением общественности, а также резонанс, который оно находит в общественной жизни. Так, например, в трудах по политической истории особенно живо присутствуют интересы отечества. Общественство, насколько сильно различаются представления одного и того же исторического события даже у серьезных исследователей, если они разных национальностей. Это происходит не из-за разницы в расчете воздействия того или иного события, но основывается на определенной внутренней принадлежности исследователя, которая предопределяет его точку зрения. Однако с какой легкостью вся эта ситуация поворачивается таким образом, что некто начинает целенаправленно искать такую точку зрения, которая оказалась бы на общественность наиболее благоприятное впечатление.

Здесь нужно понимать, что это не просто какое-то сопутствующее вырождение, всегда так или иначе происходящее ввиду человеческой слабости. Нет, речь идет о том, что является как раз знаком нашего времени, которое, основываясь на всеобщей человеческой слабости, обладает развитой системой практикования господства и власти. Тот, кто имеет в своих руках технические средства службы новостей, тот не только решает, что имеет право стать достоянием общественности, — управляя публицистикой, он одновременно имеет возможность манипулировать общественным мнением в своих целях. Это средство власти именно потому обладает столь демонической силой, что мы намного более зависимы в формировании наших суждений, чем это представляется нашей просвещенной самооценке. Ибо тот, кто не осознает своей зависимости и верит в то, что он свободен там, где он таковым не является, тот оберегает собственные пути. Даже террор покоится на том, что террористы сами себя терроризируют. Самым роковым открытием, которое сделало для себя человечество в этом столетии, оказывается то, что и сам разум не является чем-то неподкупным.

Науки о духе, которые узнают это прежде всего на своем собственном опыте, обладают, однако, вследствие этого также и особой возможностью защищаться от искушений власти и подкупности своего разума. Их самопознание преграждает им путь к тому, чтобы ожидать от какой-либо превосходящей науки того, чего они сами были до сих пор не в состоянии осуществить. Идеал совершенного просвещения сам себя опроверг, и тем самым науки о духе обрели как раз свое особое задание: постоянно помнить в научной работе о собственной конечности и исторической обусловленности и противостоять замыкающемуся на себя апофеозу просвещения. Они не могут избавить себя от ответственности за то воздействие, которое от них исходит. Вопреки всем манипулированиям общественным мнением, осуществляемым благодаря управляемой публичности современного мира, науки о духе оказывают непосредственное влияние на развивающееся человечество через семью и школу. Там, где в них содержится истина, они выступают как неизгладимый след свободы.

Вспомним в заключение то понимание вопроса, которым поделился уже Платон: он называет науки, состоящие в *logoi*, в ведении разговора, питанием души, подобно тому, как съестное и напитки являются питанием для тела. Поэтому при покупке пищи для души, говорит платоновский Сократ, нужно быть тоже весьма осмотрительным, чтобы тебе не всучили плохой товар. "Ведь гораздо больше риска в приобретении знаний, чем в покупке съестного. Съестное-то и напитки, купив их у торговца или разносчика, ты можешь унести в сосудах, и, прежде чем принять в свое тело в виде еды и питья, их можно хранить дома и посоветоваться со знающим человеком, что следует есть или пить и чего не следует, а также сколько и в какое время. При такой покупке риск не велик. Знания же нельзя унести в сосуде, а поневоле придется, уплатив цену, принять их в собственную душу и, научившись чему-нибудь, уйти либо с ущербом для себя, либо с пользой" (*Протагор*, 314ab).

Платоновский Сократ предостерегает этими словами молодого человека от того, чтобы безо всяких раздумий доверяться известному учителю мудрости, вызывавшему всеобщее восхищение в то время. Он видит, что знанию, состоящему в *logoi*, в ведении разговора, присуще двусмысленное положение между софистикой и истинной философией. Но он распознает также и то особое значение, которое имеет здесь правильное решение.

Такое понимание применимо также и к вопросу об истине в науках о духе. Они потому являются чем-то особенным в совокупности наук, что их мнимые познания, равно как и познания действительные, непосредственно определяют все человеческие деяния, поскольку сами по себе переходят в человеческое воспитание и образование. Нет никакого средства для того, чтобы отличить в науках о духе истинное от ложного, поскольку то, что они сами используют, — это *logoi*, ведение разговора. И все-таки именно здесь, при использовании этого средства, может обрести место высочайшее, что достижимо для человека на пути к истине. То, что составляет сомнительность и рискованность (*Bedenklichkeit*) наук о духе, и есть, воистину, их собственное и подлинное отличие: они суть *logoi*, ведение разговора, "только" ведение разговора.

Перевод Т. В. Щитцовой:

Wahrheit in den Geisteswissenschaften / H.-G. Gadamer GW, B. 2. S. 37–43